

**ЛИЧНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И МОДАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ
В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

1. Введение

В данной работе я буду рассматривать семантическую и синтаксическую структуру модальных предикативов (МП) в белорусском языке, т.е. лексем «категории состояния» с модальным значением.¹ Я буду их сопоставлять с модальными глаголами (МГ). Основными примерами будут МГ *магчы/мусіць* и МП *можна/трэба*.

2. Данные

В (1) показаны предложения содержащие МГ *магчы/мусіць* в трех формах времени. Субъект появляется в именительном падеже. МГ являются спрягаемыми формами, тогда как основной предикат появляется в инфинитивной форме.

В (2) показаны МП *можна/трэба*. Здесь логический субъект появляется в дательном падеже, но он и может отсутствовать. Если субъект присутствует, он обозначает «экспериенцера» модального состояния и одновременно и агенса действия, выраженного инфинитивом. Присутствует связка, которая может быть нулевой:

- (1) а. Студэнты могуць/мусяць працаваць. (МГ)
б. Студэнты маглі/мусілі працаваць.
в. Студэнты будуць магчы/мусіць працаваць.
- (2) а. (Студэнтам) можна/трэба працаваць. (МП)
б. (Студэнтам) можна/трэба было працаваць.
в. (Студэнтам) можна/трэба будзе працаваць.

3. Теоретические предположения

Я исхожу из формулированной в «минималистской программе» (CHOMSKY 1995) генеративной теории. Грамматика естественного языка – модулярная система, в которой частные модули действуют друг с другом через «интерфейсы». Одним из этих модулей – синтаксис, представляя систему сочетающую лексические единицы. Возникающие репрезентации служат «инпутом» (i) концептуально-интенциональной и (ii) артикуляционно-перцептивной системам.

Каждое предложение основывается на лексической глагольной фразе (VP), над которой проецируется функциональная структура. Основная структура показана в (3)² (ср. JUNGHANN 1995, 1996):

- (3) CP > TP > VP

Я занимаю лексикалистскую точку зрения, предполагая, что значение и аргументная структура лексических единиц фиксированы в «ментальном словаре» в виде лексических записей. Согласно с BIERWISCH (1990, 1996, 1997, 2006, 2007) и WUNDERLICH (1997), лексическая запись содержит четыре вида информации: фонетическую форму (ПФ), грамматические (категориальные) признаки (ГП), аргументную структуру (АС) и семантическую форму (СФ). В (4) приведена упрощенная запись основы глагола *працаваць*:

- (4) /pɾacava/; [+V, -N]; λx λe [e INST [x WORK]]
ПФ ГП АС СФ

СФ можно описать как грамматически определенное значение лексемы (ZIMMERMANN 2009, 485). Она состоит из базисных предикатов и из аргументных переменных. Последние связываются лямбда-абстракторами, в результате чего определены тематические роли (агенса,

Согласование между подлежащим и модальным глагольным комплексом осуществляется внутри функциональной проекции TP. Происходит движение субъектной фразы в позицию Spec-TP, причем проверяется признак именительного падежа, ср. (13):

(13) [TP [NP студэнты] T° [VP t_{NP} [V' [V маглi працаваць]]]]
 [Nom] [Past] [Past]
 [ЭПС-РІ] [Nom] [ЭПС-РІ]

5. Синтез: «Аффиксальные предикативы»

ZYBATOW/JUNGHANNS (2005) предполагают, что МП, также как и МГ, образуют с своим инфинитивным дополнением комплексный предикат, причем сказано, что у возникающего предиката аргументная позиция, которая отождествляется со внешней аргументной позицией инфинитива. Она реализуется в дательном падеже (лексически связанном с тематической ролью «экспериенцера»). Такие предположения отражаются в лексической записи (14) для русского МП *можно*:

(14) λ_v λ_x λ_e [[POSS e] : [v x e']] (ср. ZYBATOW/JUNGHANNS 2005, [29])
 [+V,-N] [+DAT]

Из такого анализа следует, что дательный падеж является аргументом комплексного модального предиката. Следовательно, этот аргумент должен всегда присутствовать в структуре. В случаях его поверхностного отсутствия надо тогда предположить нулевой синтаксический аргумент, что с теоретической точки зрения нежелательно. Тем не менее, подход ZYBATOW/JUNGHANNS (2005) оказывается самым ценным, так как в нем впервые предполагается, что МП – аффиксальные глаголы.

В работах FEHRMANN/JUNGHANNS/LENERTOVÁ (2007) и JUNGHANN/LENERTOVÁ (2010) предполагается, что инфинитивные формы в т.н. «инфинитивных предложениях» (напр. белор. *відаць, чуваць*, русск. *видать, слышать*, польск. *widać, slychać* или чешск. *vidět, slyšet*) относятся к самостоятельному лексическому (под-)классу предикативов. С диахронической точки зрения, произошла лексическая конверсия первоначальных глагольных инфинитивов в предикативы. В (15) это формализуется при помощи категориальных признаков:

(15) [+V,-N] → [+V,+N,+Praed] (ср. JUNGHANNS/LENERTOVÁ 2010)

В результате такой конверсии предикативные инфинитивы перестали быть членами глагольной парадигмы. Кроме того предположено, что в ходе конверсии произошло изменение АС первоначального глагола. Именно «блокировался» его внешняя аргументная позиция (ср. FEHRMANN/JUNGHANNS/LENERTOVÁ 2007, 8).

С синтаксической точки зрения, предикативы проецируют «предикативную фразу» (PraedP), которая, в свою очередь, является компонентом глагольной фразы (VP), чья головка – связка (Cop), ср. (16):

(16) [VP Cop [PraedP Praed]] (ср. JUNGHANNS & LENERTOVÁ 2010)

Далее, я предполагаю, что МП в белорусском языке – аффиксальные предикативы. Вместе с инфинитивом они формируют комплексный предикатив. Из такого предположения следует, что:

- Лексически, МП функционируют как аффиксы, сочетая с своим дополнением в ментальном словаре.
- Сочетание [МП + инфинитив] является комплексным предикативом, т.е. у него категориальные признаки «[±V,+N,+Praed]».³
- Как часть комплексного предикатива, АС инфинитива подвергается блокированию внешней аргументной позиции (что, может быть, общий признак предикативов).

Из таких предположений следует лексическая запись для МП *можно* и *требба* как в (17) и (18):

(17) /možna/; [+V,+N,+Praed]; $\lambda_v \lambda_e$ [[POSS e] : [v z e']]
[+V,-N,-Fin]

(18) /trèba/; [-V,+N,+Praed]; $\lambda_v \lambda_e$ [[NECESS e] : [v z e']]
[+V,-N,-Fin]

В (19) показан результат лексической композиции МП *можно* с инфинитивом *працаваць*:

(19) /možna pracavac'/; [+V,+N,+Praed]; λ_e [[POSS e] : [e' INST [z WORK]]]

Так как он блокируется, внешний аргумент (z) не может быть реализован. Важно, что форме в (19) нужна связка, чтобы выразить грамматические признаки и отношение к событию (ср. DAVIDSON 1967/1980). Для связки я предполагаю упрощенную запись в (20):

(20) [+V,-N]; $\lambda_P \lambda_e$ [e INST [P e]]

Из комбинации связки с комплексным предикативом в (19) будет (21):

(21) [+V,-N]; λ_e [e INST [[POSS e] : [e' INST [z WORK]]]]

Форма в (21) – пока без темпорального определения. В случае прошлого времени последнее ведет к записи в (22):

(22) [+V,-N,+Fin]; λ_e [[[T e] BEFORE t_0] : e INST [[POSS e] : [e' INST [z WORK]]]]

Очевидно, что конструкции с МП – в самом деле «безличные», потому что невозможно реализовать внешнего аргумента. В ходе последующей синтаксической деривации проверяются все грамматические признаки. Так как отсутствует субъект, не может быть никакого согласования. В результате, у связки «дефолтные» (нулевые) признаки 3-е л. ед. ч. ср. р.:

(23) $\begin{bmatrix} \text{ГР } \text{Г}^\circ & \text{VP } \text{БЫЛО} & \text{PraedP } [\text{Praed } \text{можно } \text{працаваць}] \end{bmatrix}$
 $\begin{bmatrix} \text{Past} & \text{Past} & \end{bmatrix}$
 $\begin{bmatrix} \text{ЭРС.СГ.Н} & \text{ЭРС.СГ.Н} & \end{bmatrix}$

Конкретный порядок слов является результатом синтаксического движения МП *можно* в переднюю позицию предложения. Я предполагаю, что такое движение связанное или с проверкой синтаксических признаков и/или с «актуальным членением предложения» (информационная структура).

Надо подчеркнуть, что вышеупомянутый процесс блокирования аргумента не касается внутренних аргументов инфинитива. В примере (25) встречается переходный глагол *ўзяць*, у которого лексическая запись в (24). Видно, что внутренний аргумент (y) реализуется обычным образом, несмотря на блокирование внешнего аргумента:

(24) [+V,-N]; $\lambda_y \lambda_x \lambda_e$ [e INST [x TAKE y]]

(25) Можно было ўзяць пробы.

Когда инфинитив становится частью комплексного предикатива, автоматически блокируется его внешняя аргументная позиция. Однако, внутренняя позиция не подвергается никаким изменениям – она будет синтаксически реализована как главный объект в винительном падеже. Сематическое описание комплекса [*можно было ўзяць*] (без темпорального определения) показывается в (26):

(26) [+V,-N]; $\lambda_y \lambda_e$ [e INST [[POSS e] : [e' INST [z TAKE y]]]]

Синтаксическая деривация происходит как показано в (27). Главному объекту *пробы* назначается винительный падеж комплексным предикативом:

- (27) [TP T° [VP было [PraedP [Praed можна ўзяць] пробы]]]
 [Past] [Past] [Aee] [Aee]
 [ЭПС.СГ.Н] [ЭПС.СГ.Н]

6. Факультативный дательный падеж

Видно, что данный анализ в состоянии объяснить безличную форму МП, т.е. отсутствие субъекта. Но ставится вопрос, почему может присутствовать именная группа в дательном падеже, и каким является ее статус.

Так как в рамках «предикативизации» инфинитива блокируется его внешняя аргументная позиция, дательный падеж не может быть аргументом (субъектом или дополнением) комплексного предикатива. Надо тогда предположить, что он – обстоятельство. Это соответствует факту, что его отсутствие не ведет к нарушению грамматичности.

Ссылаясь на FEHRMANN/JUNGHANNS/LENERTOVÁ (2007, 13-14), я предполагаю, что факультативность дательного падежа можно объяснить именно процессом блокирования внешней аргументной позиции в ментальном словаре. Другими словами, дательная именная фраза может появиться именно и только на основе присутствия в СФ блокирующей переменной (z).

Как видно из соответствующих записей, блокирующая переменная не связывается никаким квантором. Из этого можно заключить, что она остается доступным для модификации семантическим параметром. На концептуальном уровне происходит отождествление референта дательной именной группы с заблокированной позицией.⁴ Из этого следует, что дательная именная фраза может быть ничем иным, как адьюнктом (GRIMSHAW 1990 использует понятие «аргументного адьюнкта»). Следовательно, она является синтаксическим адьюнктом на глагольной фразе, причем ее значение («экспериенцер») определяется аффиксом лексического дательного падежа. В (28) дается последний пример с семантическим описанием в (29):

- (28) Студэнтам можна было працаваць.

- (29) [TP T° [VP [NP студэнтам] [VP было [PraedP [Praed можна працаваць]]]]]
 [Past] [Past]
 [ЭПС.СГ.Н] [ЭПС.СГ.Н]

7. Заключение

Данный анализ является синтезом двух теоретических предположений, именно теории «аффиксальных глаголов» (BIERWISCH 1990) и предположения, что предикативы – самостоятельный лексический класс (JUNGHANNS/LENERTOVÁ 2010). Когда инфинитивы трансформируются в части комплексных предикативов, их АС подвергается изменению, а именно блокированию внешней аргументной позиции. Я показал, что последним фактом объясняется не только отсутствие подлежащего с МП, но и спорный статус факультативной дательной фразы. Оказалось, что она – не аргумент комплексного предикатива, но аргумент-адьюнкт, чей референт отождествляется с заблокированной (синтаксически нереализуемой, но семантически присутствующей) внешней аргументной позицией инфинитивного глагола.

Основной разницей между МГ и МП является их лексическая категория: МГ являются глаголами, а МП – предикативами. Оба сочетаются с своим инфинитивным дополнением в ментальном словаре, причем они «возьмут» инфинитивные глаголы и «производят» или комплексные глаголы или комплексные предикативы; ср. (30):

- (30) а. МГ: *магчы, мусіць* ... [+V,-N]
 б. МП: *можна, трэба* ... [±V,+N,+Praed]

Так как МГ не изменяют АС своего инфинитивного дополнения, возникают «личные» конструкции. С другой стороны, из сочетания МП с инфинитивом будет комплексная

предикативная головка Praed°. Из этого следует, что внешний аргумент инфинитивного дополнения автоматически блокируется. У конструкции с МП не будет субъекта – они безличные.

В рамках данного подхода, факультативное присутствие дательной именной фразы с МП объясняется именно описанным процессом блокирования внешнего аргументного позиции инфинитива, на которой дательная фраза может «паразитировать».

Я предполагаю, что данный анализ можна использовать и для таких лексем «категории состояния» без модального значения, встречающихся с инфинитивами (напр. *лёгка, цяжка, шкада* ...). Доказательство этого тезиса является задачей будущих лингвистических исследований.

Примечания

¹⁾ В грамматиках встречается и понятие «предикативные наречия» (*прэдылатыўныя прыслоўі*).

Именованье «категория состояния» первым употребляет ЩЕРБА (1928). ЩЕРБА узнает неподходящую классификацию этих форм как наречий и предполагает, что они принадлежат к группе лексем *холодно, светло, весело* и т.п. ВИНОГРАДОВ (1947) большей частью разделяет взгляды ЩЕРБЫ, но ограничивает объем этой категории, предполагая, что к ней относятся лишь неспрягаемые именные и адвербиальные слова, умеющие выразить время (связкой). ГАЛКИНА-ФЕДУРУК (ВИНОГРАДОВ 1952) дальше ограничивает категорию. Согласно с ее позицией, сюда относятся безличные предикативные слова. Она разделяет восемь групп, причем и модальную, которой вообще не было у ВИНОГРАДОВА (ср. КОМА́РЕК 1954).

²⁾ CP = *Complementizer Phrase* (проекция комплементаризера), TP = *Tense Phrase* (проекция времени (и также согласования)), VP = *Verb Phrase* (глагольная фраза).

³⁾ Конкретное определение признака [$\pm V$] зависит от (первоначальной) категории, к которой относится соответствующий предикатив. Так, напр., предикатив *можно* – морфологическое прилагательное (наречие) с признаками [+V,+N,+Praed], тогда как *требьа* – морфологическое существительное с признаками [-V,+N,+Praed]. Естественно, что каждый предикатив является именной категорией (всегда [+N]).

⁴⁾ В рамках «теории двух уровней значения» (*two-level theory of meaning*) предполагаются два самостоятельных уровня семантической репрезентации, именно (i) вышеупомянутая СФ и (ii) «концептуальная структура» (КС), причем СФ – грамматически определенное, а КС – внеграмматически определенное значение (ср. напр. BIERWISCH 1983; DÖLLING 1997; LANG 1987; MAIENBORN 1997).

Список использованной литературы

- ВИНОГРАДОВ, В. В. 1947. Русский язык (грамматическое учение о слове). Москва.
ВИНОГРАДОВ, В. В. 1952. Современный русский язык. Морфология. Москва.
ЩЕРБА, Л. В. 1928. О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. 1928. № 2.
BIERWISCH, Manfred. 1983. Semantische und konzeptuelle Repräsentationen lexikalischer Einheiten // Untersuchungen zur Semantik / Hrsg. R. Růžička, W. Motsch. Berlin. S. 61 – 99.
BIERWISCH, Manfred. 1987. Semantik der Graduierung // Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven / Hrsg. M. Bierwisch, E. Lang. Berlin. S. 91 – 286.
BIERWISCH, Manfred. 1990. Verb Cluster Formation as a Morphological Process // Yearbook of Morphology 3 / Ed. G. Booij, J. van Marle. Dordrecht. P. 173 – 199.
BIERWISCH, Manfred. 1996. Lexikon und Universalgrammatik // Semantik, Lexikographie und Computeranwendungen / Hrsg. N. Weber. Tübingen. S. 129 – 165.
BIERWISCH, Manfred. 1997. Lexical Information from a Minimalist Point of View // The Role of Economy Principles in Linguistic Theory / Eds. C. Wilder, H.-M. Gärtner, M. Bierwisch. Berlin. P. 227 – 266.
BIERWISCH, Manfred. 2006. Thematic Roles – Universal, Particular, and Idiosyncratic Aspects // Semantic Role Universals and Argument Linking. Theoretical, Typological, and Psycholinguistic Perspectives / Ed. I. Bornkessel. Berlin/New York. P. 89 – 126.
BIERWISCH, Manfred. 2007. Semantic Form as Interface // Interfaces and Interface Conditions / Ed. A. Späth. Berlin/New York. P. 1 – 32.
CHOMSKY, Noam. 1995. The Minimalist Program. Cambridge, Mass.
DAVIDSON, Donald. 1967/1980. The Logical Form of Action Sentences // Essays on Actions and Events. Oxford, 1980. P. 105 – 122.
DÖLLING, Johannes. 1997. Semantic Form and Abductive Fixation of Parameters // From Underspecification to Interpretation. Working Papers of the Institute of Logic and Linguistics / R. van der Sandt et al. Heidelberg. P. 113 – 139.

- FEHRMANN, Dorothee, JUNGHANNS, Uwe, LENERTOVÁ, Denisa. 2007. Perzeptionsprädikate in ost- und westslavischen Sprachen. Handout. Slavistisches Kolloquium, Universität Leipzig, Institut für Slavistik, 14. November 2007.
- GRIMSHAW, Jane. 1990. *Argument Structure*. Cambridge, Mass.
- HANSEN, Björn. 2001. Das slavische Modalauxiliar. *Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen*. München.
- JUNGHANNS, Uwe. 1995. Funktionale Kategorien im russischen Satz // *Linguistische Beiträge zur Slawistik aus Deutschland und Österreich, II. JungslawistInnen-Treffen Leipzig 1993* / Hrsg. U. Junghanns. Wien. S. 167 – 203.
- JUNGHANNS, Uwe. 1996. Prädikate, Tempus und semantische Amalgamierung // *Linguistische Beiträge zur Slavistik, Frankfurt am Main 1995* / Hrsg. F. Schindler. München. S. 125 – 140.
- JUNGHANNS, Uwe. 2008. *Argument Structure and Syntax* // *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008* / Hrsg. S. Kempgen et al. München. S. 171 – 182.
- JUNGHANNS, Uwe, LENERTOVÁ, Denisa. 2008. Ditransitive Verben – ein Problemfall im Bulgarischen? // *Zeitschrift für Slawistik*. Vol. 52. S. 143 – 159.
- JUNGHANNS, Uwe, LENERTOVÁ, Denisa. 2010. A Case of Linguistic Change: Infinitives as Predicatives // *Development of Language through the Lens of Formal Linguistics* / Ed. P. Karlík. München, P. 87 – 103.
- KOMÁREK, Miroslav. 1954. K otázce predikativa (kategorie stavu) v češtině // *Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci: Jazyk a literatura* 1954. S. 7 – 25.
- LANG, Ewald. 1987. *Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte* // *Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven* / Hrsg. M. Bierwisch, E. Lang. Berlin, S. 287 – 458.
- MAIENBORN, Claudia. 1997. On the Meaning of Sentence Modifiers: Semantic Indeterminacy and Its Grammatically Induced Specification // *From Underspecification to Interpretation. Working Papers of the Institute of Logic and Linguistics* / Eds. R. van der Sandt et al. P. 183 – 202.
- WUNDERLICH, Dieter. 1997. Cause and the Structure of Verbs // *Linguistic Inquiry*. 1997. Vol. 28. P. 27 – 68.
- ZIMMERMANN, Ilse. 2009. *Satzmodus* // *Die slavischen Sprachen: ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung* / Hrsg. S. Kempgen, G. Ungeheuer. H. E. Wiegand. Berlin/New York. S. 484 – 509.
- ZYBATOW, Gerhild, JUNGHANNS, Uwe. 2005. *Verb Cluster Formation und slavische Sprachen*. Präsentation, Workshop zu Ehren von Manfred Bierwisch. Universität Leipzig, Institut für Linguistik, 26.10.2005.